

«Проза парижской жизни»

ЕЛЕНА ЯКУБСФЕЛЬД

Jetlag

Прилетев из Штатов, я первым делом выпиваю маленькую чашечку кофе, по-нашему, по-парижски: у барной стойки, задумчиво глядя сквозь окна кафе, как спешат по тротуару парижане. Кофе нужно пить быстро, но сделать это так, как будто ты его пьешь медленно, даже больше: как будто времени вообще не существует, как будто ты не в Париже, а на необитаемом острове, где нет ни времени, ни спешки, ни срочных дел. Ничего нет.

Потом в Париже наступает ночь, и я не могу спать, потому что в Техасе в это время вечер, или еще не.

Я откидываю одеяло и бреду на кухню. достаю заветную баночку, которую привезла из Америки, когда оттуда эмигрировала: кофе с ароматом тыквы и специй. Французы не поймут: кофе и тыква? *Quelle horreur!* А американцы сразу включатся: это, наверное, осенний выпуск, да? Да, осенний. Какой торжествующей и разрушительной одновременно была та осень. Я достаю стеклянную колбу и пистон из нержавеющей стали и завариваю этот жуткий с точки зрения французов кофе способом, который американцы называют «французский пресс».

Мои страны, мои родные, мой кофе.

Америка и Франция смотрят друг на друга с предубеждением, насмешкой, восхищением и презрением, не прекращая мечтать друг о друге. Как любовники, у которых не сложилось. В отношении этих двух стран друг к другу гораздо больше *egalite*, чем в положении людей внутри них. Ну и *fraternite* при случае или по нужде. А о *liberte* и говорить не стоит – ее никто не хочет. Настоящая свобода, полная свобода страшна, скучна и одинока.

Люди стремятся к комфорту и почему-то называют это свободой. Хотя что уж тут странно-го... Они стремятся к любви, пониманию и признанию, а называют это все совсем другими, странными терминами – карьера, успех, слава, которые, как правило, мало общего имеют с первыми тремя. Любовь, понимание и признание очень стеснительны и не уверены в себе, они не любят толпу.

Медленно, со скрипом приоткрывается кухонная дверь, и на пороге полный укора, как воспитательница в детском саду, появляется муж. Он неодобрительно косится на мою большую кружку, в которой дымится черный как ночь, неприлично ароматный кофе, колеблется, затем отламывает кусок багета, прислоняется к стене и начинает задумчиво жевать. Так и сидим, стоим. Мы понимаем друг друга без слов.

Ах, как в Одессе подавали кофе! В Пассаже подавали «Бристоль» в крохотных чашечках, с заиндевевшими стопочками ледяной воды и шоколадками. На Екатерининской – с деревянным резным ящичком, в котором блистали похожие на самоцветы крупные кристаллы сахара: розовые, золотистые и цвета белых ночей.

На Преображенской юный бармен, краснея и запинаясь, объяснял мне, что их кофе, который «хозяин» привозит бог весть откуда, познал все перипетии, выпавшие на его долю во время путешествия по пищеварительному тракту обезьян из джунглей Амазонки, поэтому у окончательного продукта такой вкус. Мягкий. А кофе на Греческой, который выносили вместе с ларчиком, где, краснея и стесняясь, лежал счет...

Американцы сейчас похожи на молодую женщину, которая страшно, до дурноты боялась рожать и вот теперь благополучно родила. Здорово же их, как говорят в Одессе, колбасило, когда они выбирали себе своего Трампа. Сколько криков, сколько ужаса, вспомнить страшно. Зато сейчас, когда это все уже позади, они ведут себя так, как будто ничего особенного во все и не произошло. *Business as usual*, как они сами говорят. И гордые своим новообретенным опытом, они с живым любопытством интересуются у французов, как обстоят их президентские выборы.

Даже моя бабушка, американка со стажем, но человек совершенно далекий от политики, как и от всего того, что ее непосредственно не касается, тоже очень интересуется. Позвонив, она, как обычно, начинает с предварительной артподготовки: «Ты получила мое письмо? Тебе понравилось? А какая часть у тебя самая любимая? Как тебе мой слог? А концовка?» После чего переходит к делу.

– Ну, как там ваши кандидаты?

Что-то в ее тоне мне смутно и страшно знакомо, но я не могу вспомнить что.

– Та какие бабушка кандидаты! Не из кого выбирать.

– А может, еще кто-нибудь хороший появится?

– Да вряд ли уже! Маемо те, що маемо.

– Столько кандидатов и ни один не подходит?

– Нет, бабушка, – вздыхаю я.

Она тоже вздыхает разочарованно, и я вдруг вспоминаю и этот тон, и этот разговор: давным-давно, в пору моей юности она вот так же, с пристрастием, выпрашивала меня насчет моих поклонников, которых, кстати, тоже нельзя сказать что было много, – ажиотажа в городе не наблюдалось, и в очередь они не становились, если уж на то пошло.

Я пью свой кофе с тыквой и тихонько разговариваю сама с собой, как это делают сумасшедшие, самодостаточные или просто немного одинокие люди. С собой я говорю не по-русски, вернее, не совсем. Я говорю так, как говорят в Одессе: смачно и неправильно, и живу я тоже так – не по правилам. Я шокаю и тыкаю, в беспочвенной надежде – а самая сильная надежда расцветает только там, где для нее нет никаких условий, – что однажды мне опять пахнёт морем, арбузами и нагретой солнцем брусчаткой.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВКО

Конечно, с детьми я стараюсь говорить правильно. Поэтому: «Послушай, это делать нельзя ни в коем случае», хотя то же самое можно сказать проще и ясней одним «Слышишь?» или «Нет, ты глянь!». Главное – с правильной интонацией. Интонация, когда говоришь смачно, – все.

С мужем я говорю по-французски, кроме тех очень редких случаев, когда нужно кратко и по делу, тогда я перехожу на английский. Если он отвечает кратко и по-немецки, знаю, что переборщила.

Мои страны, мои родные, мои языки, мой кофе.

Я стараюсь говорить правильно на всех своих языках с теми, кто вокруг меня. Но с собой я говорю неправильно, потому что так я себя лучше понимаю.

Я знаю, что правильно говорить «я скучаю по тебе», а не «за тобой», но мой папа говорит «за». Потому что так говорил его папа, чья речь состояла из идиша, польского, украинского, русского и всего, что между ними. И вслух я говорю «по», а в уме держу «за», потому что я ни по кому так не скучаю, как за папой.

И я знаю, что правильно говорить «идиот», а не «идиёт», как говорит моя бабушка, но согласитесь: «идиёт» гораздо сильнее «идиота». «Идиот» – это мнение, «идиёт» – это уже приговор. А папин «кусочек натурального идиота» – это просто шедевр, который, кстати, звучит особенно мощно в следующем контексте: «Ты видела когда-нибудь кусочек натурального мяса? Так вот, это то же самое, только это идиот, а не мясо! Просто кусочек натурального идиота!»

Ну, вот теперь я смеюсь – и теперь точно спать не буду. Да и не надо. Уже светает.

КЛУБНЫЕ НОВОСТИ

Поздравляем!

Лауреатом премии имени Максимилиана Кириенко-Волошина 2020 года стала поэт, сотрудник Одесского литературного музея, участница литературного объединения «Зеленая лампа» Анна Стреминская. Высокую оценку жюри получила книга одеситки «Марфа и Мария».

Меня называли Марией, а я оказалась Марфой! Подрезаны мои крылья, и спрятана моя арфа. Ведь после базара не нужно ни музыки, ни полёта, ни слова Учителя. Ужин важнее всего да работа. Обильное угощение радушно встречает гостя. Надеясь на прощенье, да жиром заплыли кости.

Но все же сквозь чад кухонный доносятся звуки арфы. Сквозь быта чугунные тонны... О, Марфа, трудяга Марфа! И всё ж доносится Слово сквозь грохот горшков и тарелок, сквозь крики ослов – так ново, и так непривычно смело! И всё сжигает пожар твой, о, Слово, ведь ты – стихия! Меня называли Марфой, а я оказалась Мария.

Основатель газеты **Евгений ГОЛУБОВСКИЙ**

Редактор
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ
Верстка
Полина КУЧИЕРСКАЯ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Регистрационное
свидетельство № 508.
Тираж 1000 экз.
Заказ №.
Газета отпечатана
в типографии «Черноморье».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Марзливская, 7.
Тел.: (048) 725-45-67,
www.odessitclub.org